

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК В УРОЧИЩЕ КРАСНОЯРКА© 2012 С.В. Богданов¹, А.А. Хохлов²¹ Институт степи УрО РАН, г. Оренбург,² Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

Поступила в редакцию 05.04.2012

В статье рассматриваются материалы энеолитического грунтового могильника, расположенного в урочище Красноярка на северо-западе Оренбургской области. Авторы анализируют археологические и антропологические составляющие комплекса, вопросы периодизации и хронологии некрополя. Материалы публикуются впервые.

Ключевые слова: поздний неолит, энеолит, погребальный инвентарь, палеоантропология, физический тип.

На территории Волго-Уральского степного субрегиона могильников энеолитического времени (конец VI-V тыс. до н.э.) немного, поэтому открытие каждого нового памятника становится заметным событием в археологии эпохи раннего металла. В июле 2009 года в Институт степи Уральского отделения Российской академии наук поступила информация о находке во время сенокоса в середине июня 2009 года в окрестностях села Юлты Красногвардейского района Оренбургской области в обрыве реки Ток человеческих костей вместе с каменным трапециевидным предметом, по устному описанию напоминающим топор-тесло. В связи с тем, что в микрорайоне Ивановка – Юлты – Пушкино в Красногвардейском районе Оренбургской области расположен целый ряд эталонных поселенческих и погребальных археологических памятников неолита – бронзового века, исследованных в последней четверти XX века¹, сведения об обнаружении еще одного погребального комплекса неолита или эпохи раннего металла вызвали интерес и побудили обследовать место находки. Выехав в середине июля 2009 года в с.Юлты, мы отыскивали находчиков и обследовали место захоронения. К тому времени набожные мусульмане – родители подростков, обнаруживших захоронение, убедили последних предать находки земле. Запаковав куски черепа, кости и обломки кремневых предметов в коробку от утюга, подростки отвезли этот самодельный «саркофаг» на старинное башкирское кладбище бывшего села Исмагилово в 3,8 км к востоку от с.Юлты и закопали короб в землю, прикрыв

сверху обломком старинной могильной стелы из красного песчаника. Благодаря этому место вторичного захоронения отыскать было несложно. В коробе находились фрагменты черепа и трубчатых костей довольно грацильного субъекта юношеского возраста и женского пола, по мнению А.А. Хохлова, а также три осколка крупного кремневого нуклеуса. Один из находчиков сильно порезался об эти осколки, поэтому и было решено похоронить «вредоносные» предметы вместе с человеческими костями. «Трапецеобразный» каменный предмет, переданный нам еще раньше, действительно оказался кремневым топором. Все находки из этого захоронения мы опишем позднее.

Оказалось, что урочище Красноярка расположено в труднодоступном месте и находится в 3,4 км к северо-востоку от с.Юлты, на правом берегу р.Ток. С левого берега, со стороны с.Юлты, оно закрыто густой пойменной уремой, с противоположной стороны к нему также нет подъездов, через Ток пришлось переправляться вброд. По всей вероятности, энеолитический могильник разрушался несколько десятилетий в результате врезания крутой излучины русла Тока. Свое название урочище получило по красновато-розовым коренным триасовым алевrolитам, вскрытым руслом реки. Высота обрыва – 5-6 м от уреза воды в Токе в межень. С учетом того, что ниже по течению между селами Юлты и Красиково находится частично разрушенная плотина местной гидроэлектростанции сер. XX в., создающей подпор в 3-4 м, общая высота обрыва пойменной террасы правого берега Тока должна составлять 8-9 м. Несмотря на то, что в настоящее время правобережная пойменная терраса ровная, в среднем голоцене её рассекал меридиональный прирусловый вал ручья Дубовка, берущего начало на левобережном водоразделе Тока и Малого Урана. Высота прируслового вала от среднего уровня поймы составляла 1-1,5 м. В

Богданов Сергей Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией историко-культурного и природного наследия.

E-mail: bogdanov-step@yandex.ru

Хохлов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры анатомии, физиологии и гигиены человека. E-mail: khokhlov_aa@mail.ru

обрыве Тока отчетливо фиксировались древнее русло ручья Дубовка и останец прируслового вала шириной около 15 м. Ручей Дубовка в среднем голоцене, вероятно, впадал в Ток примерно в 0,7 км северо-восточнее урочища Красноярка, неподалеку от места раскопок Турганинской стоянки эпохи энеолита. Ивановская стоянка неолита-энеолита-бронзового века расположена в 0,4 км севернее урочища. Площадка Ивановского энеолитического могильника находится в 0,6 км севернее урочища Красноярка. Площадка грунтового могильника распахивалась во второй половине XX в., но в настоящее время она задернована и представляет собой средневозрастную залежь с частично восстановившейся разнотравно-злаковой растительностью. Каких-либо признаков насыпи над погребениями или ровиков вокруг них не имелось. Несомненно, что могильник, состоящий из двух выявленных захоронений, относится к типологическому разряду грунтовых некрополей. Оба захоронения совершены на вершине прируслового вала ручья Дубовка в 4,6 м друг от друга.

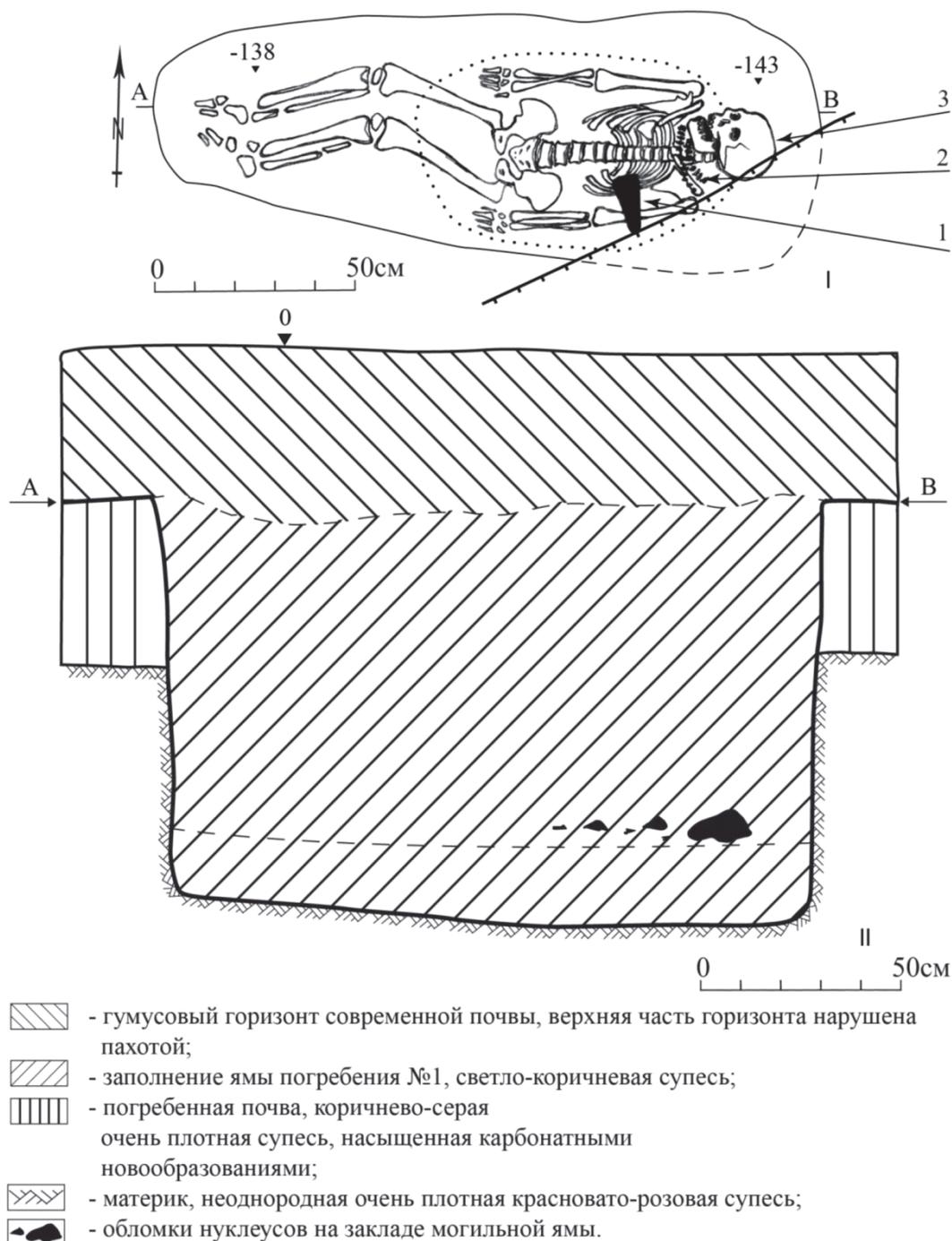
Погребение №1 располагалось западнее, оно совершено в очень узкой яме, ориентированной широтно, шириной от 0,38 м до 0,64 м, длиной 1,7 м, глубиной от 1,38 до 1,44 м от дневной поверхности современной почвы. Глубина ямы от уровня погребенной почвы достигает 1,05 м, от материка (верхней кромки иллювиально-карбонатного горизонта погребенной почвы) – 0,66 м. Дно ямы плавно понижалось с запада на восток. Стенки ямы от уровня погребенной почвы опускались ко дну вертикально, ступенек или каких-то иных конструктивных особенностей не имелось. Погребенная почва выделялась отчетливо благодаря карбонатам разных типов, заместивших дернину. Конструкция захоронения перекрыта гумусовым горизонтом современной почвы мощностью до 0,37 м. Нижняя кромка пахотного слоя фиксируется в 7-10 см выше уровня погребенной почвы. Мощность погребенной почвы до 0,4 см, она выражена коричнево-серой очень плотной супесью. Заполнение ямы погребения №1 представляет собой довольно плотную светло-коричневую супесь. Стенки ямы на 15-20 см выше дна, и само дно окрашено охрой.

К моменту обнаружения захоронения №1 в середине июня 2009 года череп, левое плечо и кремневый топор, вероятно, несколько лет торчали из обрыва. Предшествующие годы были маловодны, в паводок погребение №1 не затапливалось, к тому же базис эрозии обрыва в данном месте стабилизировался, и в настоящее время Ток интенсивно врезается в правобережье на 20-25 м восточнее места захоронения №1. Несмотря на то, что погребение №1 основательно

нарушено во время самовольных раскопок находчиков, подростки довольно точно, как это позднее выяснилось, описали положение отдельных частей костяка, черепа и каменного топора. Погребение они раскопали не полностью, часть позвоночника, ребер, отдельные кости рук находились *in situ*. До стенок погребения находчики не докопались, и из их раскопа торчали бедренные кости, кроме того, примерно на 20-25 см выше дна захоронения в стенке раскопа виднелись осколки кремневых нуклеусов, часть осколков кремня находилась в отвале. Кроме того, в отвале лежало несколько каплевидных костяных бусин (рис.2, 6). Все это заставило внимательнее отнестись к отвалу, мы его несколько раз перебрали вручную, а затем промыли. Помимо каплевидных подвесок в отвале обнаружены бусины, изготовленные из створок раковин рода *Unio* и тонких обрезанных концов трубчатых ископаемых морских раковин *Dentalium* (рис. 2, 5), а также очень мелкие каменные бусы из темно-коричневого лигнита, обломок какого-то крупного предмета (браслет?) из ископаемой морской раковины, три осколка ножевидной пластины (рис. 2, 2), несколько обломков пекторали из кабаньего клыка и обломки медного сильно окислившегося кольца в один оборот (рис.2, 4). Кроме того, в нескольких десятках метров западнее на бечёвнике найден концевой скребок на широкой короткой пластине, изготовленный из темно-серого кремня (рис. 2, 3), и очень мелкий обломок керамики с примесью раковины, орнаментированный короткими наклонными оттисками зубчатого штампа, относящийся к хвалынской или алтатинской культурным группам.

С учетом информации, полученной во время доисследования этого захоронения, внешний вид погребения №1 могильника Красноярка можно реконструировать следующим образом. Останки захоронены на спине, головой к востоку, череп развернут вправо лицевыми костями к северу, руки вытянуты вдоль тела, ноги приподняты в коленях и также повернуты вправо (рис. 1, Г). Вся верхняя часть костяка, от середины бедренных костей до носовых пазух черепа, интенсивно окрашена красной охрой (гематит).

Над черепом и грудной клеткой в заполнении ямы находилось скопление из нескольких сотен бессистемных осколков пяти кремневых предметов: четырех нуклеусов и подпрямоугольной в сечении сердцевины кремневого желвака. Все указанные предметы изготовлены из одного желвака, его сердцевина выражена коричнево-серым зернистым кремнем, переходящим в светло-серый от центра к краям, и меловым белым кремнем у поверхности желвака. Снаружи желвак покрывала желтовато-серая кора. Рекон-

Рис. 1. Погребение №1 грунтового могильника Красноярка (реконструкция):
I – план погребения; II – разрез по линии АВ

струируемые размеры желвака: длина – 35-37 см, ширина – до 20 см, толщина до – 11 см. Все четыре нуклеуса изготовлены из четырех сегментов, сбитых с длинных и широких сторон желвака. Самый крупный нуклеус – клиновидный со скошенной ударной площадкой и отчетливо выделенным килем, его длина – 17 см. Остальные нуклеусы – призматические, длиной от 12,3 см до 16,5 см. С каждого нуклеуса снято по 5-7 первичных пластин, они полностью приготовлены к использованию. Первичных пластин и технологических сколов в скоплении не было, сле-

довательно, нуклеусы изготавливались за пределами ямы погребения №1 и были принесены в яму и уже затем разбиты на части. Удары по нуклеусам и сердцевине желвака наносились бессистемно преимущественно по ребристым частям и краям предметов. Мелкие осколки кремня разлетались в разные стороны и впились в стенки могильной ямы. После этого скопление обломков кремневых предметов на закладе погребения окрашено жидким раствором или порошком мела (не вскипает от HCl). В скоплении кремня найдено два осколка шлифованно-

го кремневого клиновидного орудия, изготовленного из высококачественного зеленоватого яшмокремневого фтанитоида², каким и разбивались указанные предметы на части. Этот предмет, вероятно, представлял собой небольшой шлифованный клиновидный топор трапецеобразной формы и напоминал миниатюрный топорик из сборов на близлежащей Ивановской дюне³.

Обломки медного кольца, обнаруженные в отвале, вероятно, отпали от черепа, когда находчики фотографировались с ним. Все же часть крупниц окислов меди плотно прикипела к черепу с правой стороны позади наружного слухового прохода, на сочленении теменной и чешуйчатой части правой височной кости, ярко окрасив правую боковую поверхность черепа. В настоящее время кольцо реконструируется только графически (рис. 2, 4), обломки, вероятно, непригодны к спектральному анализу. Диаметр кольца – около 4 см, толщина жгута – около 0,2 см. Под обломками нижних шейных позвонков на дне ямы сохранился фрагмент ожерелья, состоящего из каплевидных подвесок и бусин. Украшения комплектовались следующим образом: между двумя каплевидными подвесками, закрепленными на нити в неподвижной петле, помещались 3-4 лигнитовые коричневые бусины, затем – 7-8 бус из раковин моллюсков, затем опять шли 3 или 4 лигнитовые коричневые бусины. Всего в отвале и на дне захоронения найдено 22 каплевидные подвески длиной от 1,2 см до 1,7 см (рис. 2, 6), изготовленные из толстых стенок трубчатых костей крупных животных, 98 бусин из раковин (рис. 2, 5), количество лигнитовых бусин не установлено, они очень плохой сохранности, при высыхании большая часть раскололась. Не исключено, в древности после изготовления эти бусины обжигались для придания им прочности.

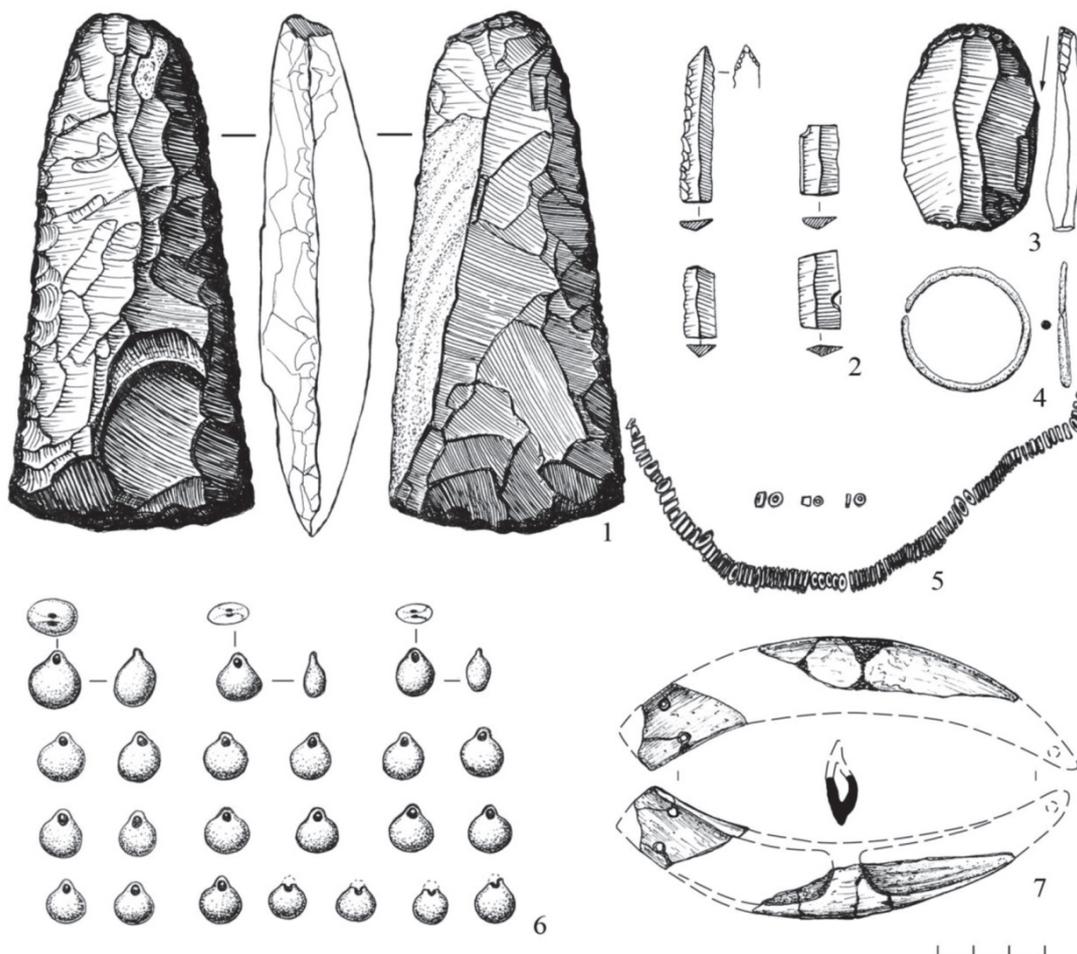
Пектораль, вероятно, находилась возле ключиц и рассыпалась на части еще в процессе археологизации артефакта, несколько чешуек расколовшегося кабаньего клыка найдено среди обломков ключиц и шейных позвонков, обрубленных находчиками. Пектораль представлена мелкими обломками, реконструируется только графически (рис. 2, 7). С широкой стороны она снабжена двумя отверстиями, посередине с тыльной стороны оформлена петля для крепления к одежде или ожерелью. Реконструируемая длина пекторали – около 12 см. Кончик подтреугольной в сечении ножевидной пластины (рис. 2, 2) найден под пястными костями левой кисти. Со стороны брюшка кончик пластины обработан мелкой крутой ретушью, одна из боковых граней оформлена более крупной пильчатой ретушью. Пластина изготовлена из высококаче-

ственного серо-голубого халцедонового кремня. Она отжата с призматического карандашевидного нуклеуса длиной не менее 14-15 см.

Кремневый топор вытянутой трапецеобразной формы (рис. 2, 1) в погребении находился поперек левой плечевой кости, лезвием к груди (рис. 1, I: 1). Он помещен в могилу после того, как останки были окрашены охрой. На стороне, прилегавшей к телу, сохранились следы охры, противоположная сторона, обращенная вверх, сильно произвесткована. Длина топора – 15,4 см, ширина лезвия – 7,1 см, ширина скошенной пятки – около 3 см, толщина пятки – 1,5 см. Максимальная толщина тулова топора – 3,3 см. Топор изготовлен из серовато-зеленого неоднородного фтанитоида (яшмокремень) с небольшими кавернами, заполненными окислами железа и марганца, фактура отличается развитием дендритов. Поверхность топора обработана крупнофасеточной ретушью, боковые грани острые, пильчатые, лезвие притуплено ударами каменного предмета при подгонке топора к деревянной муфте. Судя по характерным царапинам на обушке, топор засаживался в муфту на глубину в 5,0-5,5 см. При этом топор крепился в муфте, скорее всего, вертикально, а не горизонтально, как тесло.

Погребение №2 располагалось в 4,6 м восточнее погребения №1. Оно находилось на ступеньке шириной 2 метра, вымытой руслом реки Ток в правобережном обрыве на глубине 1,87 м от дневной поверхности почвы, под завалом из комьев грунта, осыпавшегося с вершины обрыва. *In situ* сохранились кости торса, рук и стоп. Трубчатые кости бедер и голеней, а также крылья таза смыты во время половодья. Череп одним блоком вместе с шейными позвонками сместился на 20 см к юго-востоку. Останки принадлежат взрослому массивному субъекту. Судя по тому, что губчатая ткань фаланг пропиталась охрой, не исключено, что останки были окрашены охрой. Визуально охра не фиксировалась. Погребальный инвентарь отсутствовал, форма могильной ямы не реконструируется. В 0,6 м севернее останков сохранился фрагмент стенки могильной ямы шириной 0,22 м. Придонная часть могильной ямы на глубину 20-25 см вдоль стен окрашена охрой, как и в погребении №1. Признаков других захоронений на площадке могильника не выявлено. В 2010-2011 гг. река Ток «отдала» еще несколько осколков нуклеусов, связанных с погребением №1. Ширина останца прируслового вала в разрезе правобережного обрыва значительно сузилась. Не исключено, что погребения №1 и №2 занимали в могильнике крайнее северное положение.

По образцу костей из погребения №1 в Институте географии РАН получено радиоуглеродная дата. Информация приведена в табл. 1.

Рис. 2. Инвентарь погребения №1 грунтового могильника Красноярка:

1 – кремневый топор; 2 – обломки кремневой пластины; 3 – кремневый скребок⁴; 4 – медное кольцо (реконструкция); 5 – бусы из раковин; 6 – костяные подвески; 7 – пектораль из кабаньего клыка (реконструкция)

Табл. 1. Радиоуглеродная дата погребения №1 энеолитического грунтового могильника Красноярка

Лаб. № ИГАН	Описание образца	Материал	Радиоуглеродный возраст, лет назад, ВР	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	Интервал калиброванного возраста на 1σ: Cal ВР-лет назад, Cal ВС-лет до н.э. [начало: конец] вероятность
4080	Урочище Красноярка, грунтовое погребение №1, кости скелета человека	Коллаген	5120±90	-23,98	[5745 ВР:5941 ВР] 0,963438 [5973 ВР:5984 ВР] 0,036562 [4035 ВС:4024 ВС] 0,036562 [3992 ВС:3796 ВС] 0,963438

Радиоуглеродный возраст объекта в калиброванном выражении оказался моложе реальной исторической даты раннеэнеолитического комплекса погребения №1 могильника Красноярка примерно на тысячелетие. В то же время нет оснований сомневаться в корректности датировки. В определенном смысле эта «погрешность» была ожидаемой. В геоэкологических условиях континентальных степей, с почвенными покровами, близкими к черноземам карбонатным, че-

ловеческие останки тысячелетиями залежали на небольшой глубине в иллювиально-карбонатном горизонте древней почвы, нарушенном могильной ямой. Движение рассолов, содержащих разновозрастные карбонаты, воздействие морозобойных трещин и трещин пересыхания почвы приводили к медленному восстановлению иллювиально-карбонатного горизонта древней почвы, а также, в биохимическом плане, к выщелачиванию, растворению, свариванию и денатурации

коллагена. Полученная дата, вероятно, указывает на время замещения коллагена, содержавшегося в костях, новообразованными карбонатами и другими биохимическими элементами. Сходную «погрешность» демонстрируют радиоуглеродные даты энеолитических погребений одиночного кургана Паницкое 6Б⁵ в Саратовском Поволжье – конец IV-нач. III тыс. до н.э. вместо середины-второй половины V тыс. до н.э. Глиняный сосуд из этого захоронения сопоставим с керамикой известного энеолитического комплекса из погребения 15 курганного могильника у села Политотдельского⁶, керамикой 5 слоя Раздорского I⁷ поселения. Единственной близкой аналогией плоской вильчатой булавки из этого захоронения является плоская булавка с рожковидным навершием из погребения 5 кургана 3 Чкаловского могильника в Поднепровье⁸, относящегося к энеолитической подгруппе постмариупольских захоронений времени Триполья VI-VII.

Инвентарь погребения №1 грунтового могильника Красноярка обладает достаточно определенными культурно-хронологическими характеристиками. Нуклеусы являются редкими фигурантами погребальных обрядов в памятниках позднего неолита-эпохи раннего металла. Эпизодически они встречаются на площадках могильников мариупольского типа (Васильевка, Госпитальный холм, Мариуполь и др.). Нуклеус, морфологически близкий одному из экземпляров Красноярки, обнаружен в грунтовой некрополе Васильевка 2, относящемся по периодизации Д.Я. Телегина к ранней хронологической группе могильников мариупольского типа⁹. Еще реже нуклеусы встречаются в прото-ямных и ямных захоронениях, где они, как правило, располагаются не на захладах, а на дне ям возле черепов погребенных¹⁰. В соответствии с принципами парциальной магии нуклеусы в погребальном обряде, вероятно, связаны с мифо-эпическим архетипом «рождения из камня» и возрождения. Каменный топор, если учесть предполагаемый женский пол костяка из захоронения №1, выглядит наименее уместным в ассортименте инвентаря. Впрочем, наличие топора еще раз подчеркивает, что современные гендерные представления довольно слабо проецируются на погребальные обряды архаичных народов, где наличие тех или иных предметов обусловлено концепцией погребального обряда, принадлежностью орудий к категориям магического оружия, апотропеев, маркеров социальной группы, даров первопредкам, а не половозрастной спецификацией. Топор из Красноярки очень близок экземплярам из могильника Улан-Толга (к. 1, п.3) в Северо-Западном Прикаспии, где он находился в одном комплексе со скипетром схе-

матичного облика и длинной ножевидной пластиной, из могильника Шляховский II той же культурной группы и др. раннеэнеолитическим памятникам степей Восточной Европы¹¹. Пекторали, аналогичные экземпляру из Красноярки, имеются в материалах Ливенцовского I могильника на Нижнем Дону и п.6 к.17 курганного могильника Айгурский в Предкавказье¹². Каплевидные костяные подвески хорошо известны по могильникам мариупольского типа (Мариупольский, I Вовнигский)¹³, погребениям I и II Хвалынских могильников¹⁴, культурно-неопределенным погребениям Каратаевского могильника¹⁵ на Нижнем Дону с вытянутыми и скорченными захоронениями. Бусы из раковин и небольшие медные колечки из округлого жгута представлены довольно широко в различных линиях развития энеолитических памятников Восточной Европы, а вот лигнитовые бусы сравнительно редки, вероятно, схожие украшения встречены Н.М. Маловым в погребении №5 Хлопковского могильника¹⁶.

Выразительный комплекс инвентаря из погребения №1, как и детали погребального обряда, находят широкие аналогии в памятниках позднего неолита-раннего энеолита Восточной Европы «нео-энеолитической» эпохи, по терминологии Д.Я. Телегина, точнее к её первому «раннетрипольско-мариупольскому» этапу, определяемому исследователем временем от 5400 до 4500 лет до н.э.¹⁷. В культурологической схеме И.Б. Васильева этому этапу придана исключительно раннеэнеолитическая ординация, а культурным образованиям Понто-Каспийских степей этого времени, статус особой общности – «Мариупольской КИО»¹⁸. Будучи последовательным конструктивистом, И.Б. Васильев уделял внимания формату этого явления значительно больше, чем его контенту. Хронологически эта общность, по мнению И.Б. Васильева, следовала за блоком неолитических культур, представленным в Среднем Поволжье и Приуралье средневожской культурой с накольчато-гребенчатой керамикой; следуя принципу эпонимности, её можно назвать «вилатовской» культурой. В финале своего развития она принимала на себя трансляции культурных стереотипов других культурных образований: нижнедонской культурной группы, что отражено в материалах Съезженского могильника и Вилатовского поселения, а также протоямной культуры памятников хвалынско-бережновского типа, что зафиксировано в массовых материалах стоянок Самарского Заволжья и степного Приуралья: Гундоровка, Лябяжинка I и IV, Больше-Раковская II стоянка, Ивановка, Турганик и др. Контакты эти были избирательны, поскольку их осуществля-

Рис. 3. Могильник Красноярка. Энеолитические черепа: А – погребение 1 (женский); Б – погребение 2 (мужской)

ли не абстрактные археологические культуры, а конкретные общины носителей культурных признаков, и – устойчивы, т.к. вызвали археологически-фиксируемую обоюдную миксацию культурных признаков и метисацию антропологического облика их носителей. Бескерамичные погребальные комплексы культурных образований самостоятельного генезиса, вовлеченных в этот протоямный энеолитический культурный союз понто-каспийских степей, очень сложно дифференцировать. Могильник Красноярка, по нашему мнению, относится именно к этому кругу памятников.

Антропологические материалы могильника Красноярка представлены черепами из двух захоронений. Череп из погребения №1 принадле-

жал женщине. В целом он большой, особенно по поперечным диаметрам, средне-высокосводный, брахикранный (рис. 3, А). Лоб широкий абсолютно и относительно, наклонный. Затылок слабо выступает в профиль. Лицевой отдел очень широкий и средневысокий, относительно низкий. Горизонтальный профиль умеренный на верхнем уровне. Орбиты средневысокие. Нос широкий. Клыковая ямка малая. Несмотря на фрагментарность носовых косточек, их симметрические величины представляются малыми, особенно высота. Нижняя челюсть по размерам большая, имеет средневыступающий подбородок.

Череп из погребения №2 мужской, по размерам гиперморфный, суббрахикранный (рис.3, Б). Макрорельеф сильный. Свод абсолютно вы-

сокий, но относительно горизонтальных диаметров пониженный, особенно в отношении поперечного – тапейнокрания. Лобная кость очень широкая, сильно наклонная. Затылочная сзади выступает слабо. В профиль форма мозговой коробки равномерно окатанная, эллипсоидная. Лицевой скелет широкий и очень высокий, лептен, ортогнатный, включая альвеолярную часть. Горизонтальный профиль весьма резкий, особенно на верхнем уровне. Орбиты высокие, мезоконхные. Клыковая ямка малая. Нос среднеширокий – абсолютно, лепторинный – относительно. Носовые кости очень высокие, типично европеоидные, выступают сильно. Нижняя челюсть характеризуется в основном большими размерами, имеет выразительный, но несильно выступающий подбородок.

Череп из Красноярки, имея между собой некоторое сходство, в частности, по признаку гиперморфии, брахикрании, окатанности затылочной кости, высоте орбиты, уплощенности тела верхней челюсти, несильно выступающему подбородку, демонстрируют принципиальные различия по общей конструкции. Женский череп по комплексу признаков сближается с такими древнего сублапоноидного морфологического варианта в его умеренно гиперморфном выражении. В этом отношении он отделяется от мезо-гипоморфных черепов, например, шигирской культуры. Наиболее близкие ему географические аналогии находятся в материалах энеолитического могильника хвалынской культуры Хлопков Бугор¹⁹. Мужской череп из Красноярки типично европеоидный, весьма специфичен и индивидуален. На наш взгляд, максимально близкими ему оказываются неолитические черепки из Давлеканово (Приуралье) и еще больше – могильника Тумек-Кичиджик (п.6, ск.2). Их объединяет брахикрания, относительно невысокий свод, наклонный лоб, высокое лицо и орбиты, узкий нос. Низковатый мозговой отдел для европеоидов – признак, который может быть одной из зацепок для поиска генетических связей. Такой признак для волго-уральской территории фиксировался на черепках нео-энеолита: Лебяжинка V (п.9), Съезжее I (п.11), Меллятамак V (гиперморфный европеоидный вариант)²⁰. Этот признак, как будто единичный и мало скоррелированный с другими, на данном этапе наличия небольшого по численности фактического материала следовало бы игнорировать. Несомненно, данным черепкам можно обнаружить аналогии и в более широком географическом пространстве, в том числе среди западных материалов мариупольской культурной общности. Единичность сравнительного материала, однако, не позволяет делать однозначных выводов.

С учетом археологических параллелей можно допустить, что два обнаруженных индивида если и принадлежали к одной популяции, то являлись выражением смешанного генофонда, часть которого относится к древнему волго-уральскому лесостепному населению, а другая связана в том числе с иммигрантной группой.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 12-11-56003 р_Урал

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Моргунова Н.Л. Ивановская дюна на р.Ток в Оренбургской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. С.15-20; Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980. С.104-123; Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (Степь и лесостепь). Куйбышев, 1981; Моргунова Н.Л. Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди Восточной Европы. Куйбышев, 1984. С.58-78; Богданов С.В. Токский жезл // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992. С.195-205; Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995; Моргунова Н.Л. Энеолит Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 2011.
- ² Мосин В.С., Никольский В.Ю. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. Екатеринбург, 2008.
- ³ Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004.
- ⁴ Кремневый скребок обнаружен на бечевнике р.Ток западнее площадки могильника и может быть не связан с погребением №1.
- ⁵ Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы-раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М., 2009.
- ⁶ Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Материалы и исследования по археологии СССР. Т.60. М., 1959. С.206-322.
- ⁷ Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой. Азов, 1994.
- ⁸ Ковалева И.В. Энеолитические курганы у села Чкаловка Днепропетровской области // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1992. С.66-75.
- ⁹ Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев, 1991.
- ¹⁰ Корневский С.Н. О символике погребений лидеров в обществах ранних землевладельцев и скотоводов энеолита юга восточной Европы и Предкавказья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.9. Оренбург, 2011. С.29-53; Богданов С.В. Указ.соч. С.190. Рис.59, 6.
- ¹¹ Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетия до н.э.). М., 2007.
- ¹² Братченко С.Н., Шарафутдинова Э.С. Ливенцовский могильник I // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып.16. Азов, 2000. С.160-215; Корневский С.Н., Калмыков А.А. Энеолитическое погребение из курганного могильника Айгурский 2 (Ставропольский край) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.7. М., 2007. С.48-62.
- ¹³ Телегин Д.Я. Указ. соч. С.17. Рис.7; Котова Н.С. Мариупольский могильник I // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1992. С.66-75.

- польская культурно-историческая область. Луцк, 1994.
- ¹⁴ Кириллова И.В. Изделия из органических материалов в погребениях Хвалыньских могильников // Хвалыньские энеолитические могильники и хвалыньская энеолитическая культура. Самара, 2010. С.359-378.
- ¹⁵ Кияшко В.Я. Указ. соч. С.122. Рис.36.
- ¹⁶ Малов Н.М. Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С.82-94; Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып.6. Саратов, 2008. С.33-134.
- ¹⁷ Телегин Д.Я. Об основных линиях этнокультурного развития нео-энеолитического времени юго-запада Восточной Европы и их хронология // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.). Тирасполь, 2002. С.41-42.
- ¹⁸ Васильев И.Б. Указ. соч. С.126. Т.40.
- ¹⁹ Хохлов А.А. Население хвалыньской энеолитической культуры. По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалыньск I, Хвалыньск II, Хлопков Бугор // Хвалыньские энеолитические могильники и хвалыньская энеолитическая культура. Самара, 2010. С.407-517.
- ²⁰ Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья в эпохи неолита и энеолита. Обзор источника и подробный анализ. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 154 с.

AENEOLITHIC GROUND NECROPOLIS IN KRASNOYARKA

© 2012 S.V. Bogdanov¹, A.A. Khokhlov²

¹ Institute of Steppe of the Urals Branch of RAS, Orenburg

² Volga Region State Social-Humanitarian Academy, Samara

The article is focused on the first-time publishing materials from the Aeneolithic ground necropolis in Krasnoyarka (the north-west of Orenburg region). The authors analyze the issues of the chronology of the necropolis, the archaeological and anthropological components of the complex.

Key words: late Neolithic, Aeneolithic, funeral inventory, paleoanthropology, anthropological type.

Sergey Bogdanov, Candidate of History, Associate Professor, Head of the Laboratory of Historic Cultural and Natural Heritage. E-mail: bogdanov-step@yandex.ru

Alexander Khokhlov, Candidate of History, Associate Professor, Department of Anatomy, Physiology and Hygiene of Human. E-mail: khokhlov_aa@mail.ru